

ДОМ ОКНАМИ К РОДИНЕ

МЕДЛЕННО вращается черный диск пластинки. Уверенная рука перебирает струны гитары, льются песни — грустные и веселые, сатирические и боевые, как марши. Исполняют их Луис Энрике Мехия, известный в Центральной Америке певец и композитор. Он подарил мне пластинку на память о встрече в своем доме в Сан-Хосе, где живет уже много лет. Дом этот, просторный и светлый, стоит на окраине города. Через большое, во всю стену, стекло видны темно-зеленые горы, а за ними родина Луиса — Никарагуа.

...В Коста-Рику Луис приехал несколько лет назад. Здесь женился, здесь родились его двое детей, здесь он стал известным певцом. А сердце осталось там, с его многострадальным народом.

О многом говорили мы в тот вечер. Вернее, я задавал вопросы, а он отвечал мне кратко и пел песни — ответы.

— Родился я в Никарагуа, — говорит Луис и поет песню об отце, отличном мастере, который имел всего-навсего: «Любящее сердце, деревянный домишко, гитару и

семь сыновей, семь бумажных корабликов в бурном море». Потом он поет другие песни. О генерале Сандино, сражавшемся с предателями народа, о бойце его отряда, прожившем жизнь человека, которому только одно и осталось, что считать раны. «Эта сквозная на руке от пули, вот эта на щеке — от плети, а этот шрам на лбу я люблю. Его получил от врагов, сражаясь в отрядах Сандино». Эти песни Луис сложил давно. Сейчас они популярны, но тогда он не придавал им значения.

Первое признание пришло к нему в Коста-Рике. Еще студентом Луис собрал небольшой оркестр, начал выступать на вечерах, в домах друзей. Оркестр нравился, песни тоже. Неожиданно оркестр стал получать коммерческие предложения — исполнять модные песенки, играть на вечеринках у богатых. Луис показал мне вырезки из газет тех времен: крупные объявления о выступлениях его оркестра, фотографии, хвалебные строчки хроники. Успех льстил. Но в минуты отдыха приходили другие мысли, другие слова, другие стихи и

другие мелодии. Рождались новые песни — о деревне, где вырос, о крестьянской доле, о тяжелом труде, об обычной истории несчастной любви крестьянского парня, у которого патрон отнял невесту...

— Однажды я услышал песни Виктора Хары, которые мне понравились, — рассказывает Луис. — Они были очень похожи на мои, и в то же время гораздо глубже. Я не знал тогда, что за каждым словом песен Виктора — его мировоззрение, идеология.

Луис чувствовал, чего не хватает его песням, и он пишет песню «Признаюсь»:

Признаюсь, что отдал мало, что мало ран на руках моих и психа...

Признаюсь, что рос с рекой, но не дошел с ее водой туда, где питает она норки высоких деревьев.

Что не смотрел на север, где кровь течет в горах...

В конце песни он говорит, что будет служить своим искусством людям.

Луис выступает перед рабочими и крестьянами на митингах и праздниках, встречается со студентами. Он ищет новые слова и образы. Но главный поворот в его жизни наступает, когда он в составе делегации молодежи

Коста-Рики едет на X Всемирный фестиваль в Берлин.

— Там я познакомился с Исабель и Анхелем Парра, услышал выступление чилийских ансамблей. Это знакомство позволило мне сделать главное открытие, — рассказывает Луис. — Я открыл новое направление политической песни, основанной на богатейших традициях народного творчества.

Луис возвращается в Сан-Хосе с новыми планами. И работает только в этом направлении. Пишет песню «Сона бананера» — «Банановая зона». Так называется огромная территория Коста-Рики, захваченная американскими компаниями. «Зеленая зона с красной от крови землей и камнями — проклятием тем, кто предал боль народа». Остро политическая, написанная в форме быстрого танца, эта песня сразу же облетела всю Южную Америку. Луис пишет новые. Появляется песня «Наследство»:

Завтра, сын мой, все будет иначе. Уйдет горец из дома. С черного хода уйдет, закроет за ней дверь навсегда люди. И высохнут слезы в семьях рабочих.

На будет ни плети, ни тюрьмы, ни пули для угнетенных. Хотел бы я, сын мой, оставить тебе в наследство Мой голос и радость воспоминаний о счастье.

Но вижу одну поэму, написанную кровью на улицах моей деревни.

Застывшую в глазах детей и в руках убитых.

И потому оставлю тебе в наследство мою гитару.

Руки раскрытые — народу и кулаки сжатые — режиму.

Это тебе оставлю, чтобы ты оставил в наследство своим детям свободную родину, о которой мечтал мой дед.

Пойдем, сын, бери гитару, прицелься, стреляй и пой!

И увидишь, что все придет завтра, и имена павших пропоют кларнеты, зацветут цветы там, где упал товарищ.

И засею любовью шрам воспоминаний, вот увидишь...

Луис Энрике закончил петь песню, и, я невольно начинаю спрашивать его о Никарагуа, о последних событиях, о попытках диктатора Сомосы ценю любых преступлений удерживать власть... Потом мы говорим о Чили, и Луис поет несколько песен Виктора Хары, которые он включил в свой репертуар.

— С Виктором я так и не познакомился лично, — говорит он. — Да, ты знаешь, мне недавно прислали приглашение из посольства Чили на

участие в фестивале песни в Винья-дель-Мар. Поехать бы, да и спеть им: «Я тебя помню, Аманда!» Вот была бы бомба. Или вот эту, — говорит он и снова берет отложенную было гитару. Поет сатирическую песню о Пиночете, марионетке, страшной и коварной, которую сделал дядя Сам: «Как всякая марионетка, истреплется Пиночо-Пиночет и кончит жизнь в мусорной яме...».

— А на фестиваль в Гавану ты поедешь? — спрашиваю я.

— Хотелось бы, но не уверен, — отвечает Луис. — Каждое место в делегации ценно, и нужно, чтоб на фестивале побывали самые достойные. Но песню к фестивалю обязательно напишу, веселую, чтоб можно было петь и танцевать.

...Медленно вращается черный диск пластинки. Я слушаю песни Луиса Энрике Мехия, вспоминаю тот вечер и огромное окно его дома, сквозь которое бессонными ночами он видит Никарагуа и Чили, Гватемалу и Уругвай...

В. ВЕСЕНСКИЙ.

(Наш соб. корр.)

Сан-Хосе — Гавана.